Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Симон Шпрингер
Понять анархистскую географию

Скопировано 23 июля 2020 с akrateia.info

ru.theanarchistlibrary.org

Понять анархистскую географию

Симон Шпрингер

Анархизм всегда истолковывали неверно. Далёкий от насилия и хаоса, с которыми его привыкли ассоциировать, анархизм представляет собой праксис, ориентированный на взаимную помощь и неиерархические формы организации общества, воплощаемые в повседневных стратегиях прямого действия, добровольных ассоциациях и самоуправлении. Карикатурный взгляд на анархизм часто стремится выставить его идеологией, всецело озабоченной разрушением государства, однако сила анархистской географии заключается как раз в её холистическом характере. С этих позиций находит объяснение и отказ отдать предпочтение какому-то одному из тех многочисленных и разнящихся между собой аппаратов власти, что сковывают наши жизни. Анархизм — это борьба против любых форм подавления и эксплуатации. Это изменчивый и многообразный процесс, который имеет отчётливо географический характер.

Симон Шпрингер — анархист, канадский географ, профессор социально-экономической географии в университете Нью-Кестл (Австралия).

География и анархизмы: совпадения и расхождения

Долгая история отношений анархизма и географии может быть представлена в виде ландшафта, который образуют высокие вершины – периоды наиболее тесной связи и глубокие низины, где пути их начинают расходиться. Однако если согласиться с тем, что *«описание Земли и её обитателей» – это «лучшее средство для <…>опровержения предрассудков и создания иных представлений, более соответствующих понятию человечности»* (Кропоткин 1885/1978 7), то станет очевидно, что анархизм может эффективно содействовать развитию географии.

Географические труды таких влиятельных анархистских мыслителей, как П.Кропоткин, и Э.Реклю, пик популярности которых пришёлся на конец XIX века, оказывали ощутимое влияние на интеллектуальную атмосферу эпохи. Лишь после смерти обоих в начале XX века интерес к их работам начал ослабевать. Тем не менее, устойчивое воздействие этих визионеров на географическую теорию ощущается даже сегодня, проявляясь в том, как с точки зрения географии рассматриваются самые разные вопросы, начиная этносом и «расой», и заканчивая способами организации общества, накопления капитала, урбанистики и экологической борьбы; предвидели они и некоторые основные подходы недавнего постгуманистического поворота.

«Реальная политика» и количественный подход преобладали в географической науке периода великих войн в начале XX века. Антиавторитарная концепция Реклю и Кропоткина была исключена из круга тех проблем, которые, как считалось, должны заботить географию. Однако,

когда в начале 70-х было заново открыто их влияние в области вопросов социальной справедливости, анархизм реинтегрировался в эту дисциплину и был принят на вооружение теми академическими исследователями, которые отстаивали направление, известное как «радикальная география». Публикация в журнале «Антипод» провозгласила новую этику социальной географии – этику, которая отказывалась от стохастической модели, индуктивной статистики и эконометрии, прежде доминировавших в этой дисциплине. На смену этому направлению пришёл так называемый «качественный подход», который провозглашал жизненный опыт краеугольным камнем новой методологии. Анархизм содействовал формированию этой критики самым фундаментальным образом. Те, кто её выдвинул, обратились к Кропоткину и его анархо-коммунизму в качестве отправной точки.

Монография, посвященная анархизму, и опубликованная в «Антиподе» в 1978 году, продемонстрировала взаимное влияние друг на друга теории и практики анархизма и географии. (Breitbart 1978). В работе отмечается не только вклад Кропоткина в борьбу за освобождение человечества, но также значимость концепции свободы, разработанной Реклю на основе географии. Переиздание статьи Кропоткина «Какой должна быть география» (1885/1978) доказывает востребованность этой работы, а переизданная в то же самое время статья М.Букчина “Экология и революционная мысль” (1965/1978), продемонстрировала что анархизм, который отстаивали эти якобы «не-географы», мог иметь значительное воздействие на радикальную географию, популяризация которой началась в как раз в те годы. Тогда же бюллетень Ассоциации Географов-Социалистов опубликовал доклад о географах-анархистах по итогам семинара, состоявшегося в 1976 году в Университете Миннесоты. Всё это свидетельствует об оптимизме, который

вселяли анархистские идеи относительно их способности оживить практику академической дисциплины, для которой озабоченность проблемами социальной справедливости становилась всё сильнее.

В 1980-90 гг., когда неолиберализм захватывал мировой экономический курс, анархистский союз с географией пришёл в упадок, смещённый в сторону марксизмом, феминизмом и зарождающимся постструктурализмом – несмотря на это, в годы рейганомики и тетчеризма, вышла книга М.Букчина (1982/2005) «Экология свободы», где предпринималась анархистская критика господства иерархического общества над природой. Кроме того, стала развиваться интроспективная рефлексия относительно колониального прошлого географии и Государства, которое сыграло решающую роль в формировании теоретических оснований этой науки. Всё это происходило в одном теоретическом ключе с влиятельными работами таких авторов, как Хальфорд Маккиндер, Эллен Черчилль Семпль, Элсворт Хантингтона, Исайя Боман, и Томас Холдич. С возвращения к анархистской географии Реклю и Кропоткина начинается отказ от предрассудков, влиявших на дисциплину до этого момента.

В 90-х дела обстояли несколько лучше. Кук и Пеппер (1990) координировали тематическое исследование анархизма в журнале «Современные Проблемы Географии и Образования», который вскоре закрылся. Пол Раутледж (1998) развивал концепцию «антигеополитики», чтобы обозначить ангигегемонные тенденции и борьбу за обретение полной независимости от Государства. Шан Хьюстон (1997) содействовал внедрению географического подхода в Anarchist Studies, сосредоточившись на пространственном аспекте взаимной помощи. Более современное поколение географов продолжает переосмыслять границы, располагая анархизм в центре своих практик, теорий, педагогик

Ward, Colin: *Anarchy in Action*. London: Freedom Press, 1973/1982. [Trad. *Anarquismo en acción. La práctica de la libertad*. Madrid: Enclave de Libros, 2013].

- *Перевод с испанского: Станислав Яценко*
- *Оформление: кадр из фильма «Забриски-пойнт» (Zabriskie Point). 1970. США. Реж. Микеланджело Антониони*

и методологий, перечерчивая карту возможностей, которые анархическая перспектива может предложить географии как научной дисциплине (Ince 2010; Springer 2013). Возвращение анархизма происходит в тот момент, когда воздушные замки капитализма начинают рушиться под собственным весом – интенсификация неолиберализма, обострение финансового кризиса и тот ответ общества, который они спровоцировали, значительно способствовали распространению анархизма как внутри, так за пределами Академии.

Из актуальной для нас перспективы необходимо подчеркнуть, что, хотя со времён Реклю и Кропоткина интерес анархисток к академической географии снизился, это не означает, что анархизм от неё отказался. Сегодняшнее поколение географов-анархистов открывает её заново. И, более того, интерес этот отражает одно из оснований анархистского праксиса, *префигуративной стратегии*, которая базируется на той предпосылке, что социальные отношения, которые создают анархисты, должны максимально соответствовать тому общественному устройству, которое они хотят построить. Префигуративность исходит из того, что если разработка плана не соотносится с воплощением его на практике, это – то же самое, что теория, которая не принимает во внимание эмпирику, история, которая не вслушивается в голос прошлого, география, безразличная к контексту. Префигурировать – значит создавать новое общество под оболочкой старого. Пока адепты академической географии были захвачены ловушками позитивизма, а затем – марксистским экономизмом, сконцентрированном на классовом анализе, анархистская география попросту вышла из академии в поисках «свежих пастбищ» политической практики – на улицах, в акциях прямого действия; в гражданском неповиновении и тактиках Чёрного Блока; в коммунах и новых ячейках кооперативного

движения; среди активистов, малых групп и сетей взаимной помощи; в ассоциациях арендаторов; в синдикатах; в обществах взаимного кредита; в Интернете, в файлообменниках на основе P2P, в свободном программном обеспечении и вики-сообществе; и, главным образом, в каждом конкретном моменте повседневной жизни. Сегодня, благодаря целому веку борьбы, мы видим, что анархизм ценится в академии гораздо выше, чем раньше.

Реклю и Кропоткину не удалось встроить анархизм в академическую географию так, чтобы использовать его подходы столь же свободно, как это возможно сегодня. Не то что бы они не пытались. Тем не менее, когда Кропоткину предлагали место в Кембридже, он отказался, так как это подразумевало отказ от политических взглядов. Однако по мере приближения к настоящему, тексты показывают, как нарастает осознание фундаментальной значимости праксиса и необходимости соединить его с теорией.

Анархизм и анархистские географии

Анархизм решительно привержен разрушению иерархических структур и связей, поддерживающих и воспроизводящих насилие. Это концепция, согласно которой наша мораль должна основываться не на предрассудках, вроде тех, с которыми мы живём сегодня в рамках текущего политического консенсуса, по преимуществу враждебного любому различию, а на эмпатии, понимаемой в качестве звена, связующего людей как между собой, так и со всем миром. Это подразумевает отказ от всех систем господства, связанных между собой: капитализма, империализма, колониализма, неолиберализма, милитаризма, классизма, расизма, национализма, этноцентризма, сексизма, ориентализма, эйблизма, дискриминации по гендерному признаку и эйджизма, спейсишизма, гомофобии, трансфобии, традиционных религий и, конечно же, государства. С

Ince, Anthony: «Whither anarchist geography?», en Jun, Nathan y Wahl, Shane (eds.) New Perspectives on Anarchism. Lanham: Lexington, 2010, pp. 281-302.

Kropotkin, Piotr: «The spirit of revolt», en R Baldwin (ed) *Kropotkin's Revolu- tionary Pamphlets*. Whitefish: Kessinger, 1880/2005, pp. 34-44.

Kropotkin Piotr: «What geography ought to be», *Antipode* 10 (1885/1978), pp. 6-15.

Kropotkin Piotr: *Mutual Aid: A Factor in Evolution*. Charleston: Forgotten, 1902/2008 [Trad. *El apoyo mutuo. Un factor en la evolución*. Logroño: Pepitas de Calabaza, 2018].

Marshall, Peter: *Demanding the Impossible: A History of Anarchism*. Londres: HarperCollins, 1992.

Pickerill, Jenny y Chatterton, Paul: (2006) «Notes towards autonomous geographies: creation, resistance and self-management as survival tac- tics», *Progress in Human Geography* 30 (2006), pp. 730-746.

Reclus, Élisée: *The Earth and its Inhabitants: the Universal Geography V.1*.

London: JS Virtue and Co., 1876-94.

Routledge, Paul: «Anti-geopolitics: Introduction», en Ó Tuathail, Gerard; Dalby, Simon y Routledge, Paul (eds.): *The Geopolitics Reader*. London: Rout- ledge, 1997, pp. 245-255.

Routledge, Paul: «Convergence space: process geographies of grassroots globalization networks», *Transactions of the Institute of British Geographers* 28 (2003), pp. 333-349.

Springer, Simon «Anarchism! What geography still ought to be» *Antipode,* 44 (2012), pp. 1605-1624.

Springer, Simon, «Anarchism and geography: a brief genealogy of anarchist geographies», *Geography Compass* 7 (2013), pp. 46-60.

Springer, Simon; Ince, Anthony; Pickerill, Jenny; Brown, Gavin y Barker, Adam J.: «Reanimating anarchist geographies: a new burst of colour», *Anti- pode.* 44 (2012), pp. 1591-1604.

В отличие от марксистской географии, сконцентрированной на категории класса, особенность анархистских географий заключается в их интегральном подходе, который состоит в отказе от наделения приоритетом тех или иных систем власти, пересекающихся между собой. Предполагается, что нет такой борьбы, которая «должна подождать», пока другие увенчаются успехом, и что не следует объявлять привилегированной категорией –рабочих, ударников и т.д., так как это является основанием для возникновения новых иерархий. Проще говоря, анархизм – это борьба против всех форм угнетения и эксплуатации, представляющая собой изменчивый и многообразный процесс, который имеет определенное географическое измерение. Поэтому место анархизма – везде.

Библиография

Bey, Hakim: *T. A. Z.: The Temporary Autonomous Zone, Ontological Anarchy, Poetic Terrorism.* Brooklyn: Autonomedia, 2003 [Trad. *T.A.Z.: Zona Temporal- mente Autónoma.* Madrid: Enclave de Libros, 2014].

Bookchin, Murray: «Ecology and revolutionary thought», *Antipode* 10 (1965/1978), p. 21.

Bookchin, Murray: *The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy.* Oakland: AK Press, 1982/2005.

Breitbart, Myrna Margulies : «Introduction», *Antipode* 10 (1978), pp. 1-5.

Cook, Ian y Pepper, David: «Editorial: anarchism», *Contemporary Issues in Geography and Education* 3 (1990), pp. 5-8.

Graeber David: *Fragmentos de una antropología anarquista.* Madrid. Virus Editorial, 2011.

Huston, Shaun: «Kropotkin and spatial social theory: unfolding an anar- chist contribution», *Anarchist Studies,* 5 (1997), pp. 109-130.

учётом сказанного, анархистские географии можно определить как

> «калейдоскопические области, в которых между автономными образованиями устанавливается множество изменчивых связей, свободных от иерархии, где солидарность и общность взглядов вырабатываются добровольно, без суверенного насилия, предустановленных норм, навязанной самобытности и в противовес им (Springer 2012: 1607).

Эта холистическая интерпретация анархистских географий изначально была предложена Реклю (1876, 1894), чьим основным вкладом в дисциплину стал эмансипаторный подход, представленный в книге «Земля и её обитатели – всеобщая география». В этой работе он концептуализировал связь между человечеством и самой Землёй. Реклю призывал устранить все формы господства, на месте которых он видел любовь и деятельное сострадание между людьми и не-людьми – процесс, который приведёт человечество к раскрытию глубокой значимости эмоций и осознанию себя историческим субъектом, возникшим в более широком контексте планетарного сознания.

Кропоткин (1902/2008) также во многом способствовал становлению этого подхода своим трудом «Взаимная помощь как фактор эволюции». Во многом это была реакция на социальный дарвинизм того времени, а в основу работы легли исследования взаимной поддержки как примера сотрудничества между растениями, животными (в том числе, разных видов), и людьми.

Так появилось более широкое понятие агентности, предвосхитившее современные подходы географий «по ту сторону человека». Анархистские идеи имеют отчётливо географическое происхождение, в отличие от марксизма с его

индустриальной риторикой. В них с самого начала делался упор на децентрализацию, сельскую жизнь, земледелие, локальное производство, необходимое для самообеспечения и устранения потребности в централизованном государстве. Также анархистский подход тесно связан с теми направлениями исторической науки, которые испытали на себе сильное воздействие археологии, и занимались наиболее ранними стадиями развития человеческих обществ, когда они обустраивались без какой бы то ни было институционализированной власти, руководствуясь моделями, исключающими существование политических форм, основанных на принуждении.

Израильский кибуц — коммуна основанная на принципах самообеспечения и устранения потребности в централизации.

Хотя первые анархистские формулировки были подвергнуты критике так называемыми натуралистами, следует заметить, что ход их рассуждений имплицитно натурализовал иерархические структуры, объявив их развитие неизбежным следствием роста сообществ. Также мы должны проанализировать то, как власть конструируется, и подумать о множестве анархистских альтернатив, которые можно было бы предложить, и которые уже предлагаются.

Чтобы понять анархистские географии, необходимо иметь ввиду, что анархизм не предлагает готового протокола действий или моделей, не очерчивает границ. Префигурация не должна превращаться в предопределённость. Анархическое мышление направлено на выявление социальных тенденций с целью определить, что именно возможно реализовать здесь и сейчас. Анархизм – это прежде всего стратегия, состоящая в актах ежедневного сопротивления и кооперации. Альтернативы, которые он предлагает, почти бесконечны. Единственное ограничение анархической организации – наше воображение

биополитика, правительность, постколониальные географии, «ситуационные знания»[2] и альтернативные эпистемологии, ненасильственное образование и критическая педагогика.

Кропоткин полагал, что изучение географии – это упражнение для освобождения ума, которое не только позволяет людям пережить гармонию природы, но также рассеивает их расистские и националистические предрассудки. География всё еще содержит в себе этот потенциал, который мог бы полностью реализоваться, если бы анархистским географиям было уделено столько внимания и заботы, сколько необходимо для их расцвета. Скептицизм, который Кропоткин и Реклю выражали в отношении господствующих идеологий, и те способы, которыми они их проблематизировали, могут обогатить современную академическую географию, которая зачастую нерефлексивно перенимает дискурсы цивилизации, закона и капитала, сходящихся в точке государства. Убеждение, согласно которому общество нуждается в такой форме организации, как государство, повсеместно царит в этой дисциплине, которая хоть и иронизирует над «территориальной западнёй»[3], однако не торопится осознанно критиковать государственную централизацию и продвигаться в сторону анархистских позиций.

---

[2] «Ситуационное знание» и идеал объективности в науке» Труфанова Е.О. Эпистемология и философия науки 2017. Т.54. №4. С. 99-110.

[3] От англ. Territorial Trap – «территориальная западня» – понятие, предложенное географом Д. Эгнью в статье 1994 г.; обозначает такой образ мысли и действия, в котором мир выглядит состоящим из государств, осуществляющих свою власть над различными пространственными зонами, и составляющих основной объект политической географии (прим.пер.) См: Agnew, J., 1994. The territorial trap: The geographical assumptions of international relations theory. Review of International Political Economy, 1(1), pp.53-80.

также оказала большое влияние на анархистскую мысль и праксис, поскольку исследует те способы, которыми активист_ки низовых сетей, находящиеся на самых разных уровнях политического взаимодействия, вырабатывают ситуативную этику борьбы и осмысляют неиерархические способы организации.

Зомия — географический регион (Горы Тибета) с населением в 100 миллионов человек, чье название было придумано нидерландским исследователем Виллемом ван Шенделем в 2002 году. Зомия рассматривается некоторыми исследователями, как пример отказа от современного государства и действующего анархистского общества.

Взгляд на вещи из перспективы анархистских географий мог бы углубить наше понимание различных современных феноменов, каждый из которых обладает специфическими пространственными связями: от открытых протестных выступлений арабской весны и движения Окупай Уоллстрит, до уличного театра и велопробежек движения «Критическая Масса»; от субверсивных практик коммуникационной герильи[1] до выбора специфических стилей жизни, городского фермерства и внешкольного образования; от практик взаимной поддержки в ведении хозяйства на общественных огородах до жилищных кооперативов; от организации буккроссинга до Индимедии.

Также анархизм может содействовать обогащению географической теории. Легко увидеть, как применение анархистского подхода даёт возможность состояться таким концепциям и темам, как теория нерепрезентации, «географии по ту сторону человека», активизм, социальная справедливость, географии долга и экономических кризисов, политики идентичности, партиситипативный урбанизм,

[1] Manual de guerilla comunicación. grupo autónomo a.f.r.i.k.a. | Luther Blisset | Sonja Brünzels. Virus editorial. – 234 p. www.viruseditorial.net

– единственный принцип, происхождение которого не связано с иерархиями. Горизонтальными могут быть общества по уходу за детьми, организация уличных праздников, товарищества садоводов, сети взаимопомощи, флешмобы, общественные столовые, свободные школы, клубы руферов и велосипедистов, самба-бэнды, швейные мастерские, протестные группы.

Взаимная помощь циркулирует среди самоуправляющихся коммун, использующих федеративный принцип взаимодействия для организации любых видов деятельности и целей, и образующих децентрализованную систему. На смену пирамидальной структуре государственного принуждения приходит сеть свободных ассоциаций, внутри которых могут устанавливаться свои политические, экономические и социокультурные правила. Анархистские географии – далеко не новое изобретение. Напротив, на протяжении всей своей истории человечество объединялось в коллективы и практиковало взаимную поддержку в самых разных формах, будь то борьба со стихией, добровольные пожарные бригады, общинные радиостанции, хакерские группировки, строительные и швейные кооперативы, рабочие стачки, соседский обмен инструментами, профсоюзы, сквоттерское движение. Всё это – проявления анархизма в действии, которые тесно связаны с пространственным измерением.

Анархистские географии в действии

Так какие же виды действия признаёт анархизм?

> «Все виды», – писал Кропоткин (1880/2005: 39), «фактически, максимальное многообразие видов, в зависимости от обстоятельств, темперамента, имеющихся средств; иногда трагично, иногда с юмором, всегда дерзко; иногда коллективно, иногда чисто индивидуально, эта линия

не отказывается от каких-либо средств, находящихся в пределах досягаемости или событий общественной жизни, преследуя цель пробуждения мужества и распространения духа бунта».

Анархистские организации не претендуют на то, чтобы подменить вертикальный механизм государства, заняв его место. Напротив, они стремятся вовсе его отменить, предоставив людям возможность самим построить то, что им нужно, без оглядки на авторитарные институты. Вместо проведения централизованной политики предлагается самостоятельное устройство общества сообразно его потребностям. Суть принципа анархистской организации состоит в том, чтобы поддерживать этот народный импульс, а не чинить ему препятствия, как это обычно делает государство. Как однажды писал Колин Вард (1973/1982: 28),

> «Личности, объединившиеся в коллектив перед лицом общей необходимости, методом проб и ошибок, импровизации и эксперимента, способны построить порядок, который окажется гораздо более прочным и отвечающим их подлинным потребностям, чем тот, который способна обеспечить какая-либо внешняя власть».

Поэтому в анархизме не существует и никакого внегеографического нарратива. Хотя взаимная помощь всегда существовала в человеческих сообществах, её формы менялись в зависимости от времени и места. Она принимает уникальные, порою даже замысловатые формы в зависимости от контекста, потребностей, желаний и тех пределов, которые навязывают ей такие антагонистические системы, как капитализм. В одни исторические периоды взаимная помощь становилась центральным элементом общественной жизни, тогда как в другие – содержалась в тайне, обрекаемая на теневое существование современными ей политическими режимами. Однако взаимная помощь выдерживала испытание даже самыми враждебными обстоятельствами:

> «с того самого момента, как мы прекращаем упорно рассматривать все виды социального взаимодействия только с точки зрения их способности воспроизводить неравенство, мы можем разглядеть и анархические, неотчуждённые формы отношений, нас окружающие» (Graeber 2011: 86).

В последнее время наблюдается возрождение анархистских географий под знаком поиска новых форм организации, с упором на установку «сделай сам», в духе автономии, прямого действия, радикальной демократии и антикоммерции (Springer et al. 2012). Аргументы в пользу радикального потенциала этой установки дополнительно укрепляют анархистскую концепцию трансформации повседневной жизни. Это имеет большое значение среди множества социальных движений, для которых концепция «зон временной автономии», предложенная Хаким Беем (1991), стала отправной точкой рефлексии относительно того, в результате каких практик социально-политического взаимодействия эти временные пространства избегают воспроизводства структур иерархического контроля. Пирекриллл и Чаттерон (2006) применили эти подходы к «автономным географиям», в контексте рефлексии о том, как сочетать протест и повседневную жизнь, чтобы развивать эффективные альтернативы капитализму. Концепция «пространств конвергенции» Роутледжа (2003)